

*Nagaitseva N. I.,
Candidate of Philology, Professor,
Professor at the Department of Humanities
National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute"*

*Romanov Yu. O.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Humanities
National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute"*

OCCASIONAL WORDS AS A LINGUISTIC PHENOMENON AND EXPRESSION OF AUTHORS' SELVES

Summary. This article is devoted to occasionalisms – speech units unknown to common vocabulary and used only in a certain context as an individual author's stylistic means. The features of occasional words are: belonging to speech, nonce use, non-repeatability, expressiveness, nominative optionality, word-formation productivity, non-normativity, and so on. Occasionalisms can be formed not only according to existing word-formation models but also with violations of the rules of word-formation inherent in a language; and also using occasional means: inter-word overlap, contamination, graphical derivation, etc. Occasionalisms should be distinguished from neologisms because of their different functions: neologisms are meant to enrich a language lexicon while occasionalisms or nonce words merely have a stylistic function.

The article attempts to provide a selection of occasionalisms (nouns, adjectives, verbs, participles and adverbial participles, adverbs) occurred in the poetic works of Russian symbolists, acmeists, futurists and consider such means of their formation as: suffixation, interfixation, use of singularia tantum in plural and vice versa, pluralia tantum in singular – for nouns; suffixation, interfixation, incorrect forms of comparatives – for adjectives; affixation – for verbs; use of archaic suffixes, occasional combinatory power, incorrect forms – for participles and adverbial participles; derivation not only from adjectives but also from nouns and verbs, stem-composition – for adverbs.

From the analysis of occasionalisms in the poetic discourse of the brightest literary trends of the last century, it follows that even this insignificant quantitatively, but qualitatively unique segment of poetic speech makes it possible to understand the essential individuality of authors, to fully feel the expression of the authors' selves.

Key words: occasionalisms, word-formation, poetic language, L2 teaching, Russian as foreign language, international students.

Introduction. When L2 learning, international students gradually gain an understanding of a language system which includes clearly separated groups of words (parts of speech), their grammatical and derivational characteristics, combinatory power, and functioning in syntactic structures.

The vocabulary is learnt, although easily, but it is still rather limited in regards to polysemy and stylistic potential. However, a hard-working L2 learner can master synonymy and antonymy, homonymy and paronymy, manifestations of polysemy of lexical units in speaking and writing after several years of continuous language learning.

A different matter is the vocabulary of most talented individuals (especially poets) who make new words "darkened" in form and meaning in order to give freshness and brightness to their creations. Such "incorrect" (according to word formation and combinatory power) words are called occasionalisms. They are created by the authors as momentary means of expression in a certain context and are not intended for common use. Sometimes, out of context, they are incomprehensible even to a native speaker despite the fact that they often have neutral parallels. They are difficult to explain, difficult to reproduce, and difficult to adequately translate. And yet in natural language, it is possible and necessary to freely create new, unheard-of meanings in unheard-of forms because occasionalisms paint the works of their authors in a unique color of selfhood and dissimilarity.

Review of literature. Occasionalisms can be defined as unusual speech units (mostly, words) created by the speaker/writer to express any individual meaning due to a specific context [1], or a word/expression unknown to language and used only in a certain context as an individual author's stylistic means [2]; they are derivative words created in violation of the rules of word formation, most often in violation of a feature within the word-formation type [3]. The features of occasional words are: belonging to speech, nonce use, non-repeatability, expressiveness, nominative optionality, word-formation productivity, non-normativity, etc. [4]. Occasional word formation is particularly active in creating nouns; it can occur in making verbs (I. Ulukhanov describes 43 word-formation patterns used in occasional verbs [5]), adjectives, adverbs; there is evidence of the leading role of suffixation when forming occasional words represented in the youth magazines [6]. In addition to word formation, occasionalisms can also be formed using occasional means: inter-word overlap (*офицербер* (офицер + бербер)), contamination (*дегенералиссимус* (дегенера/т + генералиссимус)), graphical derivation (*СМИлостивиться*), etc. [3].

Occasionalisms should be distinguished from neologisms because of their different functions: neologisms are meant to enrich a language lexicon, while occasionalisms or nonce words merely have a stylistic function [7].

The purpose of this study is to provide a data bank of occasional words (nouns, adjectives, verbs, participles and adverbial participles, adverbs) used in Russian poetic context and consider the means of their formation.

Main body of the research. The creators of the most expressive occasionalisms were decadents. In Russian literature, decadence was represented by several trends, close to each other, but also significantly different (symbolism, acmeism, futurism, etc.).

Symbolists created a vague and logically transcendental image of things and ideas, yearned for spiritual freedom, anticipated and at the same time feared social upheavals; they can be characterized by a decadent mood, passive dissatisfaction with the social system. The poetry of symbolism was based on a word with imprecise, vague content; on logically “unsteady” images. In an effort to experience the ideal essence of the world, symbolists called for a general interpretation, a symbolic understanding of such images emphasized the sacred mission of the Poet standing above the crowd. The music of symbols makes a person a reflected poet. Improvisation in symbolic poetry is a search for new combinations of thoughts, colors, and sounds; hence the artistic sophistication of their language undergone formal experiments to varying degrees (V. Bryusov, I. Annensky, A. Blok, K. Balmont, F. Sologub, A. Bely).

Acmeism manifested a return to the material world, a departure from the ambiguity and “fluidity” of images to the exact meaning of the word, a craving for humanism, optimism, civic consciousness. In the poetry of acmeists, there is a connection between form and content, adherence to the picturesquely visible world, intense psychologism, and search for words since verse is the highest form of speech. But acmeists are inherent in an excessive tendency towards aestheticism, intimacy, modernist motives (N. Gumilyov, A. Akhmatova, S. Gorodetsky, O. Mandelstam).

Futurism focused on creating the art of the future. Futurists rejected traditional culture and its values, welcomed urbanism. In poetry, futurists created «заумь» – an abstruse language in which words were free to form: sound combinations and word transformations with deformed content but most emotionally charged (V. Khlebnikov, D. Burluk, V. Mayakovsky).

Later A. Blok, V. Bryusov, S. Gorodetsky, A. Akhmatova, S. Yesenin, V. Mayakovsky, N. Aseev completely departed from the decadent apologetics of individualism, speculation, mythological romanticism, escape from reality, pretentious “sophistication” of poetic language to the ideas of collectivism and solidarity, militant citizenship, a concrete-material perception of the world, a genuine reform of the language of new poetry. The poetry of the Soviet era was characterized by the pathos of revolutionary transformations, a philosophical understanding of history, the romance of building a new world, an acutely publicistic orientation, humanism of lyrics, and skillful experimentation with the form.

We describe occasional nouns formed by using few morphs.

1. Feminine singularia tantum nouns with zero suffix with the meaning of abstract feature formed from nouns: *толиць шей, смрадъ* продажная, *гнусь* заплаканная, *ясь* утренняя, *нудь* эмигрантская, *рьянь, ёжь* (В. Маяковский); *розовая водь, стеклянная хмарь,* видели *березь* и *цветь*, *тягостная бредь,* приятная *звень,* злая *заморозь,* грозная *мориць, синь* и *сонь* (С. Есенин); *весень,* тёплая *влажь* (И. Северянин); бугайская *мычь* (И. Сельвинский); водяная *круть* <...> водяная *верть* (В. Бокв).

2. Feminine singularia tantum nouns with suffix *-ость* formed from adjectives with the meaning of an abstract quality: *неприличность* (В. Маяковский); *застылость* линий, *прах* и *гнилость* (И. Анненский); *ослепительность* (А. Белый); *чудовищность* (К. Бальмонт); *розовость* вод, *белая лунность* (С. Есенин); *душистость* (И. Северянин); *ангельскость* его

красоты, *вся любящсть* её природы (А. Цветаева); *суровая детскость* (Н. Асеев); *снежность* седины (И. Уткин); *незаметность, невозвратность, забитость* естества; *глыбость,* в своей *маленькости* и хрупкости (Е. Евтушенко).

3. Neuter singularia tantum nouns with suffixes [*-j-*], *-ств-* with the meaning of collectiveness and action in progress formed from nouns and verbs: *негритьё, солдатё, людё, лошадыё, бородыё, машинё, громадыё, стёганье, козырянье, стихачество* (В. Маяковский); *угрюмство* (А. Блок).

4. Masculine, feminine, neuter, and plural nouns with suffixes *-к-, -ишк-, -ик-, -чик-, -иц-* with derogative diminutive and augmentative sense: *версийка, королевка, культуришка, любвишка, поцелушко, житьишко, кровишка, стончик, корытико, любвица, кровіца, бытище, галифіца; Тучи в клочки, в клочки – клочки* (В. Маяковский).

5. Feminine singularia tantum nouns with non-productive suffixes: *сердитба* (М. Горький); *сеятьба, бегня, скульня* (В. Маяковский); *щебетня, голубонь, [Джим] с доверчивой приятцей* (С. Есенин); *предгрозя* (И. Северянин); *немота* (О. Мандельштам); *последняя отцединка* (Б. Пастернак); *недовера, плотские наслажденьца* (Е. Евтушенко); существительные Pluralia tantum с разными словообразовательными формантами от категориально разных мотивирующих основ: скрежещущие *пережёвы* (Б. Пастернак); *невянтицы* (А. Белый); *мелехлюнди* (В. Маяковский).

6. Compound nouns formed with the help of interfixes *-о-, -и-* and stem-composition with the meaning of a collective non-processual and processual feature: *маяка одноглазье, свицвоночье, громкоголосие, рыхотель, яростные водкоборцы, пятиминутье, пятилучие, дрыгоножество, людоедчество* (В. Маяковский); *шестиэтажье* (Н. Тихонов); *доброшершавость* языка [собаки] (Е. Евтушенко); сентябрьский *листоёт* (С. Есенин); *мигоёт* (А. Белый).

In addition to word formation, such means to create occasional nouns are frequent.

1. Usage of singularia tantum nouns in plural and pluralia tantum nouns in singular: *Легло на город громадное горе / и сотни маленьких горь.* [Том] *рад был, / что есть и хлеб, и деньга* (В. Маяковский).

2. Nouns in expressive discourse can be used in other genders: *Холодина синяя на дворе, / Даже окна в инее в январе* (П. Коган); <...> *Глотая темень хладный, / Безропотная грудь безропотно молчит* (А. Белый); *И на покорную рояль / Властительно ложились руки* (А. Блок).

3. Usage of proper nouns which are individual names of a unique object in plural: *Есть Моисеи посреди дубов, / Марии между пальм* (Н. Гумилёв) [transfer by similarity]. *Твой иконный и строгий лик / По часовням висел в рязанях* (С. Есенин) [transition from organic singularity to plurality crushing the object integrity].

4. Found in the texts “incorrectnesses” used in plural, stipulated by authors’ goal to get as close as possible to everyday speech of common people: *калеки и калекши, парижаки, рбжьа; я подхожу и губми шевелю; жмёт плечьми; смахни за ушми эмигрантские сплетни; волосев ко́пны, чистописаниев ремёсла* (В. Маяковский).

Occasional adjectives are also formed by using few morphs.

1. Belonging is expressed by suffixes [*j*], *-ин-, -ов-, -ск-*: *дело рачье, орава звёрья, жизнь фрачья, шкуры скряжьи,*

пятки *домовы*, натура *обывателя*, *воробьи* рёбра, званьє *капитанье*, *лошажье* ржанье, *небье* лицо, *лавры* звоны, *язычы* стропила; *позтиное* сердце, мастерская *геньина*, глаза *пантерины*, свирепость *мужина*, ловля *мушиная*, мненьє *старшино*, *вѣтровы* пальники, *милиционеровы* усы, *товаровы* цены, *коридорова* битва, *карнавалово* весельє, *одеялово* стѣганье, *эполетово* шитьє, *царѣвы* серебряники, князѣвы сынки, философия *цудова* (В. Маяковский); *гвоздѣвый* быт (И. Сельвинский); *пурговый* свист, травы *ворожбиные*, *галочья* стая (С. Есенин); *гумские* дамы (ГУМ), *трамвайский* язык (В. Маяковский); *сочельниковская* ёлка (А. Вознесенский).

2. The similarity of a feature, peculiarity, intensity, attribution to an object (a substance) are expressed by suffixes *-н-*, *-аст-*, *-яч/-юч-*, as well as the zero suffix: *статейная* форма, *рояльная* ножка, *лаечные* перчатки, *поцелуйная* сладость; *молоткастый*, *серпастый* паспорт, *штыкастые* щупальцы, *усастая* няня (В. Маяковский); *ночь звездастая* (Е. Евтушенко); *клювастые* птицы (Н. Рубцов); *рѣв злючий*, *водный* Ревком (= водный); *посылаю* к чертям *свинячим*; *вечер хмурый*, *декабрь* (В. Маяковский); *сумрак чарый* (А. Блок); *шурый* лик (А. Белый); *глаза немножко жмурые* (А. Цветаева).

3. Extremely living and complex adjectives with the meaning of characteristics, comparisons formed by using interfixes *-о-*, *-е-* and simple stem-composition: *моря рѣволицые*, *старомозгий* Плюшкин, *бесконечночасый* хвост, *море синевоное*, *огнедымные* бразды, *скалоликий* Крым, *крикогубый* Заратустра, *потноживотые* женщины, бритва *обоюдоострая*, страна *миллионнолобая*, *массомяся* *быкомордая* орава, *многохамая* морда, *тысячезапахая* клумба, *радуглазая* аптека, *строкопѣстрый* стих, *зверорыбьи* морды, *трѣхпоя* работа, *всехсветная* Россия, *грозобуквый* ералаш, эскадры *верблюдокорабледраконы*, *тело лазоревосинесквозное* (В. Маяковский); *молитвословный* ковыль, *златоклыкый* Омеж, *златозубая* высь, свечка *чисточетверговая* (С. Есенин); *пучки цветов кровавоглавы* (Н. Заболоцкий); *громокопийный* кубок (И. Северянин); *город звонкотрубый* (Я. Смеляков); *красношапый* клеверок (В. Боков); *улицы снежным-снежны* (Е. Евтушенко); *деревья сумрачно-странно-безмолвны* (К. Бальмонт); *тиховейные* ночи, *блѣкло-призрачная* луна, *воздушно-чѣрный* стан (И. Анненский); *яблочно-холодное* лицо, *поэтически-дикарские* радости (И. Бунин); *осины в лисье-рысых* палантинах (Л. Мартынов); *бело-рыжее* месиво распутицы (А. Вознесенский).

Despite the considerable length of such adjectives, their word-formation features are poorer, as a result of which their semantics are more transparent, and the effect on the reader is stronger.

4. Considering occasional adjectives, one cannot fail to mention the occasional nature of the comparatives they form and which, as is known, in Russian are motivated only by qualitative adjectives using suffixes *-е*, *-ее* (*-ей*). Nevertheless, there are: 1) incorrect forms of comparatives from qualitative adjectives: *плоше*, *кратче*, *легше*, *старей* (В. Маяковский); *жутче*; *лейся* песня *звяньше* (С. Есенин); 2) comparatives from relative and possessive adjectives: *роза чайнее*; *орѣл злей*, *орлинее*; *американстей* американца, *вьть поднебесней* (В. Маяковский); *быть* славы *пепельней* и *легкодымней* пелены (С. Есенин); 3) comparatives from adjectivized participles: *революция*, *воды изжажданней*; *море блестящей*; *то жаренней* ты, *то варѣнней*; *взоры озарѣнней*; *путь протоптаннее* (В. Маяковский); 4) illogical

comparatives: *небывалей* не было в истории <...> факта; *любовь* расцветает *романнее*; *уста сахарного сахарней*; *доллар* всех поэм *родовой* (родовитый); *рисуют* кто *поцекистей* (ЦК); *Нью-Йорка ньюйоркстей* (В. Маяковский).

Occasional verbs are formed: 1) without prefixes from names (including own names): *тианинить*, *виолончелить*, *фокстротиться*, *гроссбукнуть*, *миссисипиться*, *мусолиниться*, *именинить*, *цудить*, *иолиться*, *огнеть*, *злеть*, *фундудеть*, *железнодорожить* (В. Маяковский); or 2) using affixes from nouns and verbs (the most frequent Aktionsarten are intensive-inceptive and intensive-terminative) with prefixes *в-*, *вз-/вс-*, *вы-*, *из-/ис-*, *раз-/рас-*, etc.: *в тебя вцелую* губы *фонарей*; *в Мексику вглазелись*; *вграфил* в линию; *в воздух* <...> *всвистал*; *в каждое ухо ввой* (В. Маяковский); [пули] *в спину вцарапали*; *Хвойной позолотой взвѣнивает* лес (С. Есенин); *безличное – вочеловечить* (А. Блок); *в душу не вдышит*; *возлюбуюсь* на фонтан (Е. Евтушенко); *взбундлась* злоба; *взруманились* щѣки; *взъярилась* царица; *знамя, взметись!* *глаза выдразили*; [любовницу] *вылюбил*; *любовь вызарилась*, *ярость вырычут*, *имя выем*; *волосики выщетились*, *высюсюкивать* стихи, *голос выреву*, *душу выржу*; *вызнакомь* сердце, *вымчи* меня, *вымолоди* себя (В. Маяковский); *Ты сердце выпеснил* весне (С. Есенин); *выдымил* папиросу (О. Смирнов); *издымится* мясо дьявола, *цепь исцелую*; *в кровь лицо изотру*; *израдила* лоб; *грудь испешиходили*; *скала распостелилась*; *бог не разукоризнится*; *рассерьѣзничались* дети; *развезувился* <...> *Ай-Петри*; *размерсился* Сезанн; *рассыаем* штыки; *приедет* и <...> *разаявит*; *размолний* голоса; *раструбивайте* смех; *расканарейте* закат; *республику разэлектричь*, *расфееривался* фейерверк; *прохожие развозмутились*; *небо раззолотонбело*; *расфабричь* пустыри; *Тело намускули* в спорте (В. Маяковский); *Напылили* кругом. *Накопытили*. *Отоснилась* ты мне навсегда (С. Есенин); *отзмеилась* Ока; *откнулись* кнопки (В. Маяковский); *оттрепетали* тетерева (Б. Слуцкий); *отдышали* в лесах *кабаны* (Н. Асеев); *Пастернака перепастерначит* (А. Ахматова).

Occasional participles and adverbial participles formed from occasional verbs are also bright and impressive: *гвоздимые* строками; *мечтаемая* жизнь; *мужиковствующих* свора; *в кресло вкресленный*; *быт тарабарящий*; *раздушенными* аплодисментами *оляпан*; *голова заталмужена*; *в смокинг виштопорен*; *имя в платочке расоплено*; *выфлажено* всё; *сердце изоханное*; *расцветочный* ковѣр; *мечусь разжужженным* ульем; *исслезѣнные* веки; *печаль в покой воркестрована*; *выместренный* галстук; *разбриллиантенная* рука; *разжемчуженная* шея; *раскитаенные* фамилии; *Чикаго* <...> *землѣю прижаблен*; *Чикаго* спит, *обтанцован*, *опит*; *радость развоскресена* (В. Маяковский); *обосѣненная* тишина, *взвихренная* конница (С. Есенин); *обезвоскресенная* душа (И. Северянин); *колосья хлеба*, *вытарчивающие* окрест (А. Белый); *огневующий* плот (Н. Гумилѣв); *огнѣм калѣнный* (Б. Ручѣв); *хмельн* конями (Н. Недогонов); *слуюно плеца*; *замашинив* денежки; *рыхотель* подушками *выхоля*; *свистит* вода, *фонтанясь*; *Париж* <...> *кончается* один, *в сплошной складбищась* Лувр; *щѣки в шаль ора́мив*; *в винницкой глуши тьмутараканясь* <...> *я* рисовал; *взвидя*, что есть *любовная* ржа, *ты* зубы *стиснь*; *грохотом расчересчурясь*; *дни* текут <...> *не бѣлѣствуя*; *вылазя* из щелей; *испершив* плотки; *отчаянием иссечась*; *изоржав* громогласие меди; *штыками иглясь* (В. Маяковский).

For the sake of a poetic complexity, poets withdraw from the set of common language means and rules (especially in such bookish phenomena as participle and adverbial participle) in difficult verb forms. Here are some groups of poetical “errors”: 1) violation of rules of adverbial participle formation: perfective verbs require adverbial participle formation using suffix *-в* (cf.: *задеря, изгрязня, излаская, замоча, испестря* instead of: *задрав, изгрязлив, изласкав, замочив, испестрив*); imperfective verbs – using suffixes *-а/-я* (Пространства бегут, с хвоста *нарастав* (cf.: *нарастая*)); 2) adverbial participles from verbs non-productive for adverbial participles: *мечусь, оря, жили, жря и ржа*; по наркоматам *лазя*, *заказов ждя*; *землю паша*; *вперёд поя и свища* (В. Маяковский); Все кричали, *пяча грудь* (С. Есенин); 3) use of archaic suffixes *-ши; -учи/-ючи*: в автомобиле, *покрышки сбивши* <...> *улепётывал бывший*; *старый мир стоит* <...> *поджавши хвост*; рубить дрова, *силой своей играючи* (В. Маяковский); 4) incorrect forms of participles: *собака несёт перееханную* <...> *лапу*; *рука за пояс ткнута*; *любовь любому дадена*; *Пётр с проломанной головой собственного собора* (В. Маяковский); *прошёл ты путь неиденный* (В. Брюсов); *пренебрэгнутые мои* (Б. Пастернак); 5) incorrect forms of verbs: *Прощевай; зажгёшь Стрелку; выйди* <...> *бог-человек*; *тащ в хату пианино*; *шею крочь; наваксь щиблетину* (В. Маяковский); *душу-яблоню ветром стряхать*; *готов был сгинуть* (С. Есенин); 6) occasional combinatory power: *Ходит взяточников банда, / Кошельки порастопыря*. *Смотрят буржуи, глазки раскорячив*. *Мотор умолк, тревогу отгаркав* (В. Маяковский); *отелившееся небо*; *град рыгающей грозы* (С. Есенин).

Occasional adverbs (in the poetic texts) are incomparably fewer than occasional parts of speech discussed above, but they also have their own remarkable features.

1. Occasional adverbs in *-о* are formed not only from adjectives but also from nouns and participles: Он пролетит <...> / *сверкая перьями нарчово* (Е. Евтушенко); *грузно сидел, бульжно* (Ф. Гладков); *Был закат непревозидимо жёлт* (В. Маяковский).

2. By suffix-prefix *по-...и* with the meaning of similarity: *пена океана / Пузырится по-виногражьи* (И. Сельвинский); *по-мышьи* *пискнув, отбежал* (Л. Мартынов).

3. Stem-composition: Ты манишь *сладко-исключительно* (К. Бальмонт); И весело, *радостно-лихо* стало Петру (С. Дангулов).

4. Prepositional-nominal and adverbial etymology: *с безработицы* *загруститя*; *в подмогу* *познаням* (В. Лифшиц); *работа внеохоту* (А. Межиров); *поэзия должна быть вся «напрóсвет»* (А. Вознесенский); И вот уже сумеркам *невтерпь*; *летят парусá наоткóсь* (Б. Пастернак); *Дойдём пешкодёром* (В. Маяковский); *зубами ветер цапая взаглот* (А. Вознесенский).

Having presented a data bank of occasionalisms, we will once again trace their functioning in an extended context: *Неумь, рáзумь и безумь* – / Три сестры плясали вместе (В. Хлебников); *Сирень моей весны фимьямною лиловью / Изнёжила* *кусты* (И. Северянин); *Цветы людей и в соль и в стыть / Умеют ползать и ходить* (С. Есенин); *дуб молодой, не разжёлудься, / Так же гнётся, как в поле трава* (С. Есенин); [Родная земля] *Хворяя, бедствуя, немóтствуя* на ней, / О ней не вспоминаем даже (А. Ахматова).

Conclusions. As our analysis of occasionalisms in the poetic discourse of the past century shows, even only this insignificant quantitatively, but qualitatively unique segment of the language

of poets makes it possible to see their difference and essential individuality, to feel the expression of authors' selves. This is the longing for the bygone world of I. Annensky, and the historicism of the multifaceted thinking of V. Bryusov, and the sad-melancholic musicality of A. Blok and A. Bely, and the apotheosis of the strong and mentally beautiful lyric hero of the acmeists, and the underlined national ethos and melodiousness of the poetry by S. Yesenin, and “the rough tongue of poster” of “the agitator, the rabble-rouser” V. Mayakovsky.

And the similarity lies in their zealous patriotism, genuine civic consciousness, passionate love for their mother-tongue manifested in the filigree expressiveness of the word and the thought contained in it; the harmony of strict taste and unsurpassed experimentation to enrich the literary language. After all, according to Y. Yevtushenko, “a poet in Russia is more than a poet”.

Therefore, for many L2 learners, foreign philologists, translators, writers, the invaluable linguistic finds of Russian poets can become an important testing ground for expanding and improving their linguistic knowledge and linguistic discoveries.

References:

1. Сковородников А. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты : словарь-справочник. 3-е изд., стер. Москва : Флинта, 2011. 480 с.
2. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3-х т. Т. 2 (3 – П) / ред. П. Клубков. Москва : Гуманит. изд. центр «Владос» ; Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. 720 с.
3. Козинец С. Словарь окказионализмов русского языка. Москва : Флинта, 2019. 223 с.
4. Бутакова Л. Морфемика и словообразование : учебное пособие. 2-е изд. Москва : Флинта, 2017. 228 с.
5. Улуханов И. О словаре «Окказиональные глаголы русского языка». *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2020. Т. 79. № 6. С. 33–41. DOI: 10.31857/S241377150013062-1.
6. Матюшенко Е. Тенденции функционирования окказиональных слов в молодежных журналах. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. № 11. С. 112–115.
7. Mattiello E. Analogy in Word-Formation : A Study of English Neologisms and Occasionalisms. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2017. I – x, 247 p.

Нагайцева Н., Романов Ю. Оказіоналізми як лінгвістичний феномен і вираження авторської самості

Анотація. Статтю присвячено окказіоналізмам – мовленнєвим одиницям, що не містяться в загальноновживаному словнику, а використовуються лише в певному контексті як індивідуальні авторські стилістичні засоби. Ознаками окказіональних слів є: належність до мовлення, уживання в єдиному разі, невідтворність, виразність, номінативна факультативність, словотворча продуктивність, ненормативність тощо. Оказіоналізми можуть утворюватись не лише за наявними словотвірними моделями, але й із порушеннями законів словотвору, що діють у мові; а також за допомогою окказіональних засобів: міжслівного накладення, контамінації, графічної деривації тощо. Варто відрізняти окказіоналізми від неологізмів, бо вони виконують різні функції: неологізми мають на меті збагачення мовного лексикону, тоді як окказіоналізми мають тільки стилістичну функцію.

У статті зроблено спробу надати добірку окказіоналізмів (іменники, прикметники, дієслова, дієприкметники та дієприслівники, прислівники) з поетичних творів російських

символістів, акмеїстів, футуристів, розглянути такі засоби їх утворення, як: суфіксація, інтерфіксація, уживання *singulalia tantum* у множині і, навпаки, *pluralia tantum* в однині – для іменників; суфіксація, інтерфіксація, некоректні форми компаративів – для прикметників; афіксація – для дієслів; уживання архаїчних суфіксів, okazionalna сполучуваність, некоректні форми – для дієприкметників та дієприслівників; деривація не тільки від прикметників, але й від іменників і дієприкметників, складання основ – для прислівників.

З аналізу okazionalizmів у поетичному дискурсі найяскравіших літературних течій минулого століття випливає, що навіть лише цей незначний кількісно, але якісно унікальний сегмент поетичного мовлення дає змогу зрозуміти суттєву індивідуальність авторів, повною мірою відчувати вираження авторської самості.

Ключові слова: okazionalizmi, словотвір, поетична мова, викладання другої мови, російська мова як іноземна, іноземні студенти.